

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

«МОСКОВСКИЙ ЦАРЕВИЧ» и «ПОТОМОК МАКЕДОНСКОГО»
Галерея российских лжемонархов¹

В последние годы царствования Михаила Фёдоровича на Руси объявился ещё один сын давно покойной Марины Мнишек. Единственным источником сведений о прошлой жизни этого самозванца служат его следственные показания. Согласно им, он «родом арменин, Мануилом зовут, отец де ево и мать жили в Астарахани, а держали веру арменскую, а он де, Мануйло, родился в Астарахани». Правда, о дате рождения подследственный ничего не сказал. Его отец был «армянин торговой человек, имя ему по-армянски Сефер, а по-русски Сергей, и был де отец ево в Астарахани, и ево де знали русские многие люди, что отец ево был богат и честен... Да и ево де, Мануйлика, в Астарахани знают многие люди».

18. «Московский царевич», предположительно – «Иван, сын царя Дмитрия Ивановича и царицы Марии Юрьевны» [вторая половина июня 1641 – начало 1642?] – Мануил Сеферов сын, по прозвищу Дербинский

Итак, будущий самозванец был сыном иностранного подданного: «Слышал де он, Мануйлик, от отца своего, что отец ево переехал ис Кизыл-баш (Персии. – О. У.) в Астарахан, а в Кизыл-башех де он у шаха был чесной (знатный. – О. У.) человек». Отправившись обратно в Персию, отец взял с собою малолетнего Мануила «для грамотного учен[ь]я и в Кизыл-башех отдал ево учит грамоте. А учился он грамоте три годы, и как отец ево в Кизыл-башех умер, и его ис Кизыл-башские земли свезли во Царь-город торговые люди».

Можно полагать, что его путешествие в Константинополь было долгим. Дело в том, что на следствии Мануил поведал: «А свезли де ево мала из Астарахани, и был де он в розных государствах и грамотам и языком многим научен». К моменту прибытия в Россию лжемонарх-полиглот знал восемь языков, семь из которых выучил, судя по всему, ещё до того, как покинул Турцию, – это армянский, «кизыл-баский» (видимо, фарси), турецкий, венгерский, «волосский» (румыно-молдавский), «нагайский» и «крымский» (языки ногайских и крымских татар). Последний язык – польский он освоил в Речи Посполитой.

В Стамбул Мануил приехал, насколько можно высчитать на основе его показаний, в 1621 или 1622 году. Прожил он там «лет с пят». Возможно, именно в Стамбуле родилась у него идея выдать себя за «московского царевича». Он выколол у себя на груди загадочное слово «арменским писмом» под титулом² (на допросе признался, что «ево ж, Мануйликово, имя написано у нево, Мануйлика, красками на груди»). Кроме того, он сделал «царские знаки» и на руках. В материалах следствия они описаны с вариациями: «На правой руке знамя – крест начерчен син[ь]ю, да на правой же руке и на левой на запяст[ь]е жжено, да у левой же руки на мышке пятно черновато, кабы што жжено»; «на руках на обеих кресты написаны и подле крестов клейма выжжены», а «у левова плеча вызжен арёл».

К сожалению, точно не известно, за кого именно Мануил себя выдавал. Можно лишь предположить, что он изображал сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек Ивана, поскольку тот ребёнком вместе с матерью жил в Астрахани (осенью 1613 – весной 1614 года) и о нём, несомненно, астраханцы помнили и говорили тогда, когда рос Мануил. Стоит упомянуть и о

том, что осенью 1613 года на юге России распространился слух, что царь Дмитрий Иванович, несмотря ни на что, жив и находится в Персии³.

Около 1626/1627 года Мануил «из Царя-города с торговыми людьми приехал в Полшу». Там он встретился с коронным гетманом Станиславом Конецпольским и сумел если не убедить его в своём высоком происхождении, то, по крайней мере, стать ему полезным: «многое де время жил он при гетмане» и «служил» ему, причём тот «звал его Мануйлом Дербинским».

Однажды «был карол полской в гостях на пиру у гетмана Концеполскова, и он де, увидя ево, Манушку, и розспрося де про нево гетмана, какой он человек, и у гетмана де Концаполскова выпросил ево, Манушку, карол, и был де он при карале». («И Конецполской отдал ево королю, и он служил королю»).

Если верить Мануилу, примерно в 1638–1639 годах он успел послужить польскому монарху Владиславу IV и на

[с. 50]

дипломатическом поприще: «И как послан был от полского короля к Сефий-шаху персицкому посланник Шемберек (очевидно, Шемберг. – *О. У.*), и он поехал ис Полши с тем посланником в Кизыл-башни». Путь их лежал через «Московского государство», откуда они были отпущены в Персию «без задержан[ь]я с великою честью», если не считать того, что провели в Астрахани три недели. «А ис Кизыл-башские земли отпустил ево посланник к полскому королю з грамотою через Царь-город с торговыми людьми, да с ним же послана была х королю шахова грамота. И как де он в Полшу х королю приехал, и корол де ево за тое службу пожаловал: велел его испоместит из своих сёл [в] Варшавском повете».

Летом 1639 года у Мануила обнаружился конкурент – «царевич Симеон Васильевич Шуйский». Коронный подскарбий (казначей) Ян Данилович привёз того на сейм в Варшаву «и перед королём ево ставил. И тот вор королю сказывался царя Васил[ь]евым сыном, а соблюл де ево и вскормил в порубежных городех торговой человек, и как де он возмужал, и тот де торговой человек привёз ево к запорожским казаком, и сказал про нево тот торговой человек казаком, что он царя Васил[ь]ев сын, и запорожские де казаки для тово ево привезли к подскарбему к пану Даниловичю... А как де подскарбей тово вора приводил х королю, и болшие де паны многие люди называли ево вором для тово, что тот вор молод, а царь де Василей умер тому 29 лет⁴; а шляхта называли тово вора царя Васил[ь]евым сыном». Своего рода экспертами стали перебежчики из России (некие «подьячей да сын боярской») – они объявили очередного претендента на московский трон «вором ж, а сказывали, что у царя Васил[ь]я сына не было».

Тем не менее польские власти решили побережь нового самозванца: «И после де тово корол тово вора отдал подскарбему пану Даниловичю, а велел ево отдат грамоте учит. И пан де Данилович отдал ево грамоте учит в монастырь от города от Санбора 15 вёрст...». Будучи в Варшаве, Мануил также слышал, что у Лжесемеиона «на спине напятнен орёл, а круг тово орла подписано рускими словами».

Друг с другом самозванцы познакомились весной 1640 года. Как вспоминал Мануил, он приехал в Самбор к Даниловичу за королевским жалованьем, «и в ту де пору сказали ему, Мануйлику, что у подскарбего царевичь Московской. И он де, Мануйлик, в те поры ево видел: собою он молод, толст, волосом рус, уса и бороды нет...». И «знал де он тово вора... с полгода», более того, «ему де, Манушке, он другом учинился».

Кстати, все эти сведения позволяют опровергнуть мнение, согласно которому известия о лжесыновьях Василия Шуйского, живших в 1639 году в Польше и в Молдавии, относятся к одному и тому же лицу⁵. На самом деле речь идёт о двух самозванцах, действовавших под одним именем.

Весной 1640-го королю Яну Казимиру [ошибка редактора; на самом деле – Владиславу IV] стало известно, что посланника Шемберга на обратном пути из Персии «убили буйнацкие люди»⁶. Тогда было решено отправить к шаху Мануила, и он удостоился королевской аудиенции: «Отпустил де ево полской Владислав корол к шаху перситцкому с листами сам, да при короле ж де в то время, как ево корол отпускал, были и сенатари. И приказывал ему, Мануйлику, корол Владислав шаху поклон правит и чтоб шах с ним, королём, был в братцкой дружбе и в ссылке. Да Владислав же корол к шаху с ним, с Мануйликом, приказывал: будет турской салтан пойдёт на нево, на короля, и перситцкой бы шах в то время шол на турсково, а будет де турской салтан пойдёт на шаха, и он де, корол, в то время пойдёт на турсково салтана и учнёт де ему, шаху, в то время полской корол на турсково помогат».

Сначала король хотел отправить Мануила «через Московское государство, а об ево отпуске хотел было с ним послат ко государю свою королевскую грамоту». Однако в августе – сентябре 1640 года «королю ведомо учинилос от запорожских казаков, что пришол в Азов кизыл-башской посол, и корол де его через Московское государство послат не изволил, а послал ево в Азов для того, чтоб ему застат в Азове кизыл-башского посла и с тем послом из Азова ехат к шаху с королевскими грамоты... А грамоты с ним от короля в Азов к атаманом и х казаком⁷ не было, а послал де с ним грамоту к шахову послу Конецполской, чтоб он из Азова взял с собою. И как де он в Азов приехал, и кизыл-башского де посла в Азове не застал, а ведомо ему про него учинилос, что тот посол на Терке. И он де ту грамоту послал к тому шахову послу на Терек... А в Азове де он атаманом и казаком не сказался для того, что об нём от короля грамоты не было».

Путь Мануила в Азов пролегал по такому маршруту: Варшава – Киев – Переяслав – Полтава – Святые Горы – Северский Донец – Дон. Донским казакам он представлялся армянином-«полонеником» (выходцем из плена – очевидно, турецкого). Сначала он жил в Маныче («Маночском городке»), потом перешёл в Азов, где и провёл зиму 1640/41 года. Самозванец вёл разгульную жизнь: «учал на кабаках пит, и зернью играт, и ясыр (невольниц. – О. У.) собе на постелю покупати». Растратив свой запас «червонных золотых», Мануил влез в долги, но не смог их оплатить.

Весной 1641-го казаки-кредиторы «учали его бит на правеже», и тут Мануил, не выдержав мучений, заявил о своём дипломатическом статусе: «И он де сказался литвин, а послан де он от полского короля к Сефий-шаху персицкому з грамотою, а велено де ему идти на Азов, а из Азова идти в Кизыл-баши с шаховым послом, которой приезжал в Азов к атаманом и х казаком от шаха». В подтверждение своих слов Мануил предъявил «семь листов за глухими печатми», среди которых действительно были грамоты польского короля и коронного гетмана, адресованные правителю Персии. Хотя казацкие предводители ему не поверили – «чаяли того, что он лазутчик», тем не менее, «поговоря всем Войском», освободили, дав кредиторам гарантию возмещения долгов, а затем отправили под караулом в Москву.

Уже после этого Азов посетили посланцы польского короля с просьбой, чтобы казаки «тово поляка, которой послан от него

[с. 51]

к шаху персицкому, пропустили его в Кизыл-баши или б отпустили его в Полшу. И атаманы де и казаки тем королевским посланцом отказали, что им того поляка без государева указу из Азова никуды отпустит немочно...»

Казацья «станица» прибыла в Москву 12 июня 1641 года, и сразу же Мануил предстал перед следователями. Поначалу его подозревали в шпионаже, и первый допрос был посвящён целям и обстоятельствам его приезда в Азов. 16 июня арестант был переведён из

тюрьмы при Посольском приказе в дом Семёна Васильева сына Волынского, который и должен был за ним присматривать в качестве «пристава».

Отношение к Мануилу изменилось после того, как 17 июня «пристав» обнаружил письмо, которое тот хранил тайно «в платье» и которое нашли потому, что он одежды «не хотел с себя снимать и спат хотел... в платье». Как заявил арестант, письмо написал он сам и адресовал своим родственникам в Астрахань. Оно было написано по-армянски, начиналось церковными молитвами, а затем шёл такой текст (в переводе):

«Здоровье моё от земли до небес вам. А я в кручине и в поиман[ь]е, а спрашивают: "Откуды де ты едеш? Государю де ты изменник". А того у меня не спрашивают, откуды я и где родина моя (весьма странный пассаж, если учесть, что он уже отвечал на такие вопросы. – О. У.). И вам бы, приехав, бит челом государю со слезами о моей голове и про меня учинит ведомо, как я взят (не намёк ли это на то, что он считал себя приёмным ребёнком? – О. У.) и где я родился и каков я к вам близок. А мне здес не верят, и посадили в тесную тюрьму, и пить и есть мне дают из скаредных судов. И вам бы не поплошится – порадет о мне спешно и учинит про меня ведомо. А мне быт истратену внапрасне – потому: чают меня чюжим человеком. И вам бы меня избавить от сее беды. А я приехал чистым сердцем и в добром здоровье. И привезли к Москве, а на Москве чаял себе, что в раю, всякого добра, ажно меня засадили. И вам бы, приехав, о мне бит челом государю, чтоб мне внапрасне не погинути. Аз было обрадовался тому, что в свою землю бог вынес ис полону, ажно горче того бог попустил меня на скорбные беды».

Вскоре при общении с домочадцами Волынского Мануил начал и устно намекать на свой высокий статус. На этом фоне «пристава» особо заинтересовали слова его подопечного, что «есть де в Литве у гетмана Концаполскова московской царевича царя Васильев сын, а признака де на нём – арёл напечатон». Волынский предположил, что Мануил говорит о себе, поэтому приказал своим слугам зорко следить за ним – «на нём признак смотрит, как он плат[ь]я соймёт». И действительно, «осмотрел де он, Семён, у тово колодника на теле на грудях и на руках писмо неведомо какое», после чего стал ожидать от него «всякого дурна» и начал стеречь его «со всеми людми в ден и ночь беспрестанно». В итоге Волынский попросил «для бережен[ь]я дать стрелцов, чтоб тот колодник от нево не ушол».

Царским указом от 6 августа ему придали 10 стрельцов, а от Мануила потребовали объяснений.

9 августа «в роспросе» и на пытке самозванец показал, что «чесным человеком» назывался он потому, что «отец ево был богат и честен». Происхождение же «знаков» на своём теле он объяснял двояко. Сначала сообщил, что его имя на груди у него написала «красками» его же мать, «любя ево, Мануйлика», а «крест учинён на руке для тово, что в Кизыл-башех крестов не носят, и он де, Мануйлик, на себе крест назнаменовал, чтоб ему без креста не быт и чтоб тот крест на нём был не знатен; а на руках де у нево зжено для счастья; а что у нево на мышке пятно, и в том де месте ево укусила девка». На пытке же прозвучала новая версия: имя Мануила у него на груди «накальывала... иглою и краскою наводила во Царе-городе девка, любя ево, а на руках де зжено и крест учинён – и то де всё зделал он, Мануйлик, сам про девкино здоров[ь]е, любя её».

Последнюю версию он повторил «в роспросе» и на пытке 2 сентября, подтвердив также свои прежние показания о знакомстве со Лжесемием и обстоятельствах приезда в Азов.

Последующие два с половиной месяца следователи не беспокоили Манула, но Волынскому было приказано под хмельком выпытывать у самозванца, откуда у того на теле таинственные «знаки».

В своей «челобитной» царю Михаилу (по сути, итоговом доносе) от 20 ноября «пристав» отчитывался: «...покой ему учинил большой и по многие дни, напоя ево, выпытывал наодине, для чево у нево на теле те признаки учинены, и в орменском их абычье делают ли такие признаки; и, хотя у нево выведат тайну ево, похвалил ево: знат-ка то, что он по признаком непроста человека сын, – чтоб он заводу своего не потаил от меня... И тот Манушка скозал

мне, холопу твоему: в орменском де их абычье тово нет, что токие признаки делат, каторые на нём признаки; а на груди де написано имя ево, Манушкино, а у плеча де напечатон арёл, а на руках де кресты для тово, что он крестьянской (христианской. – *О. У.*) природы». При этом самозванец добавил, что «тово де он не ведоет и не помнит, как те на нём признаки учинены, – как де почал разумет издедка (с детства. – *О. У.*), а те де признаки на нём, а того де он не ведоет, как то зделано». (Здесь явно виден след фольклорных представлений о том, что подлинный – богоизбранный – монарх с рождения носит на себе «царские знаки»⁸).

«А про письмо мне, холопу твоему, сказал, что у нево на груди написаны те слова арменским писмом: первое слово мен, по-руски мыслете, другое слова аип, третее слова ген, а написаны ане под титлою – в одном слове всё именован[ь]е. Кто де разумеет то письмо под титлою, и в тех де во всех словах по именован[ь]ю. И я, холоп твой, допрашивал ево, кое именован[ь]е мен. И он мне, холопу твоему, сказал: "Мен – с тово слова Мануйло, и на иное де именован[ь]е превратит, как хто уразумеет". И я, холоп твой, служа тебе, государю, хотя ево завод выведат подлинно, говорил ему: "С тово ж слова с первова – Мануйло и Московской". И он сказал мне, холопу твоему: "Как де к чему хто станет вразумлят, и к тому де пристойт". И допрашивал я, холоп твой, ево, Манушку, чтоб он мне сказал и про те два слова. И он мне сказал: "А в тех де двух словах по именован[ь]ю скажу де впред и про те слова, что в них именовал я, а топере де я пьян – не умет росказат". И покочав головою, сказал мне, холопу твоему: "Не топерешнее де дело – в тех де словах многое именован[ь]е, нечево де а том и говорит и сказыват до времени. Когда де будет время, тогда и дело".

И говорил он мне, холопу твоему: "Вижу де я, что ты по повелен[ь]ю меня выпытываешь, неволею и сам". И я, холоп твой, сказал ему: "Никак у меня дела сево ништо, и радители мои не ведоют, да и не скажу никому". И он мне, холопу твоему, сказал: "Будет де ты мне зделоеш дабро, и как де меня Бог помилует, и я де тебе дабро учиню". И я, холоп твой, хотя у нево про всё уведот подлинно, говорил ему: непременно л ево слово будет мне? А вижу я, что он непроста человека сын по таким признакам. И он мне, холопу твоему, дал руку, что во всём дабро мне делат, как де ево Бог из вязней свободит. А говорил многожды ко многим розговорным словам: "И лутчей де мне боярин не верста"».

Волынский также заключил, что «знаки» Мануил делал, скорее всего, «для воровскова прелестнова болшова дела», ибо вынужден был терпеть огромную боль: «выжигал на теле своём арёл и клейма; а и слова, государь, на груди – чаю: розрезав кожа, запускона краска, а не писано; написанные, государь, слова какою-нибуд краскою с тела смоютца». Поделился «пристав» с монархом и такими размышлениями:

[с. 52]

«На што было коралю такой человек? Много у короля и отческих детей живут при нём, а такому, государь, страдничью (мужицкому. – *О. У.*) сыну доведётца л по своей природе жит при короле?»

Волынский пришёл к выводу, что Мануил и был тем самым «Симеоном Шуйским», о котором и рассказывал. Хотя он и ошибся, но не намного – он действительно имел дело с одним из «московских царевичей», чьи похождения были отголосками Смуты.

О дальнейшей судьбе Мануила источники молчат. Скорее всего, в декабре 1641 или в начале 1642 года его казнили или же, наказав кнутом, сослали на каторгу в Сибирь. Дело в том, что до середины XVIII столетия именно такая кара ждала псевдомонархов, не отнесённых официально к «умовреженным»⁹.

Источник

РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 152. Л. 1–113.

19. *«Царевич Иван, сын царя Дмитрия Ивановича и царицы Марии Юрьевны»
[между 13 июля 1645 и 30 января 1676 ?]*

Информация о нём кратка и трагична: «...в царствование Алексея Михайловича в Москве был повешен некий безымянный бродяга, также выдававший себя за сына царя Дмитрия и Марины».

Источник

Думин С. Царица Марина // Родина. № 5. 1994. С. 55.

20. *«Прямой потомок царя Александра Македонского, помазанник божий» [перед 10 августа – после 18 сентября 1665 ?] – Андрей Николаев (Миколаев, Микулаев) сын, по прозвищу Греченин*

Сведения о жизни этого самозванца до «проявления» весьма скудные, причём исходят лишь от него самого. Если верить этим данным, он родился в Греции, а после смерти отца по велению последнего в 1629 или 1630 году «прибрёл» в Российское государство и жил какое-то время в Москве. Однако по пути в Москву он «пристал на дороге в Литовской стороне к греченину к Дмитрею Иванову сыну Палилогу, и ево ж, Дмитрея, тово ж году... саслали в Казан за опалу», а вместе с ним – «напрасно» – и Андрея Николаева. В ссылке будущий лжемонарх «живот свой мучил тритцет лет» – «терпел многое время всякие нужи и скитался меж двор».

Как он позднее утверждал, примерно в 1660 году или незадолго до этого (при воеводе Михаиле Михайловиче Салтыкове) он подал в Казани челобитную «о своей нужи», где якобы впервые и возвестил, что он – прямой потомок Александра Македонского. Вряд ли так было на самом деле, поскольку его арестовали бы уже тогда. Как бы то ни было, вскоре его жизнь изменилась.

В 1660 или 1661 году Николаева «верстали в Ыноземской список» (то есть включили в разряд «служилых иноземцев») и послали на службу (видимо, толмачом) «к Москве в полк к боярину и воеводам князю Ивану Ивановичю Лобанову-Ростовскому с товарищи», после чего он «был на... государеве службе в Путивле». Но там он «захворал» и какое-то время был «скорбен», то есть пребывал в умопомешательстве. Не исключено, что именно в этот период им овладела идея фикс о его прямом родстве с легендарным царём, но ею он пока ни с кем не делился.

Когда же, по мнению окружающих, Николаев «обмогся», путивльский воевода князь Юрий Никитич Морткин взял его «в съезжую избу в толмачи» и приказал давать ему из казны «подейной корм по гривне на ден». Однако в начале 1665 года он уже опять скитался «меж двор»: его лишили должности и «корма». Можно предположить, что это сделал новый воевода Михаил Семёнович Волынский, а основанием, вполне вероятно, стал вторичный приступ душевной болезни у Николаева.

Судя по всему, самозванец «проявился» в июле или начале августа 1665-го в Путивле перед местным жителем Афанасием Некрасовым, которому заказал составить челобитную на имя царя. Николаев попросил включить в текст «заповедь» его отца, который перед смертью будто бы «велел сказат тебе, великому государю, что де мы – царского колена царя Александра Македонского».

Было написано два черновых варианта челобитной, но по каким-то причинам

работа была прервана, и Николаев обратился к другому писцу – дьячку Степану Яковлеву, которого, естественно, также посвятил в свою тайну.

Очередное и последнее «разглашение» состоялось 10 августа, когда написанный дьячком третий, белой вариант челобитной был подан в приказной избе воеводе Волынскому. Сразу после этого самозванца «отдали за пристава», его сообщников-писцов посадили в тюрьму «до государева указа», а все изъятые у Николаева бумаги вместе с поданной им челобитной отправили в Москву при воеводской «отписке».

Хотя в «отписке» нет слов о том, что самозванец безумен, тем не менее такая версия кажется логичной, поскольку иначе трудно объяснить, почему потомка Македонского не «расспросили», как это обычно делалось в подобных случаях, связанных со «словом и делом государевым».

Самозванец обосновывал свои притязания тем, что якобы ему поверили другие греки, живущие в Путивле, а также «греческой дмитрополит, Лигарита дмитрополита племянник, Макарий Гревенская власть», с которым-де он встретился в сентябре 1664 года, когда тот ехал в Москву.

В своей челобитной царю Николаев пишет об этом так: «И он, Макарей дмитрополит, доведася про меня, холопа твоего, от греков, что я, холоп твой, царского колена, и меня взял к себе, спрашивал в духовне по Христове евангелской заповеде: "Тово ли де ты царского колена – царя Александра Макидонского?". И я ему сказал отца своего слово ево и благословенье, что он сказывал мне – тово царского колена царя Александра Макидонского. И он, дмитрополит Макарей, скаску мою в духовне к себе взял и хотел тебе, великому государю, на Москве подат». При этом «случилос грек много, и слышали мою исповедь, и те все греки прилажили руки свои, что истинно правда».

Верить этому нельзя. Дело не только в том, что с подачи самозванца исповедь – уже не сокровенное общение двух людей, а некое публичное представление. Недоверие подкрепляется фразой из воеводской «отписки», что «писма греческим писмом», изъятые у самозванца, в Путивле «перевесть некому», а также отсутствием в материалах следствия упоминаний о том, что кто-либо из греческих иерархов подавал на имя царя «сказку» самозванца.

К сожалению, окончание следственного дела (документы, созданные после 18 сентября 1665 года) не найдено. Но скорее всего, Андрей Николаев был отправлен в монастырь «под начал до исправления в уме»: именно такое наказание до середины XVIII века было типичным для лжемонархов-«безумцев».

Источник

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12 (Столбцы Белгородского стола). Д. 576. Л. 299–324.

21. «Крымский хан» [между 14 сентября 1666 и концом августа 1667 ?] – Тарас Авдеев сын Сизиков

Этот самозванец был драгуном, жил и служил в Комарицкой волости Севского уезда, а именно в небольшой крепости, известной как «Сечовск» и «Сечевский город» (её жителем именовал себя его старший сын – Василий Тарасов).

На момент ареста у «крымского хана» была жена и дети – три сына (кроме женатого Василия, ещё холостые Тимофей и Изот) и пять незамужних дочерей (Агафья, Христина, Мария, Анастасия, Пелагея). Он был зажиточен: помимо двора, где имелось «всякое крестьянское рухлядишко и животишка», включая хлебные запасы и скот, у него была своя мельница.

О его самозванстве мы знаем только вот что: «Камарицкой волости драгун Тараска Сизиков при воеводе при Степане Бутикове воровал, назывался крымским ханом, и за то воровство он, Тараска, пойман и сослан к Москве, а с Москвы в Сибирь».

Стать лжемонархом ранее 14 сентября 1666 года он вряд ли мог – именно тогда в Комарицкую волость прибыл «сыщик» Бутиков, назначенный тамошним управителем. С другой стороны, 7 октября 1667 года Тарас уже был привезён в Москву для ссылки в Сибирь «на вечное житие». Если учесть временные затраты на расследование, сопряжённое с отправлением в Москву «отписок» и ожиданием ответных указов (не меньше месяца), а также на дорогу из Путивля в столицу (не менее 10 дней), то получится, что самозванца схватили не позднее августа 1667 года.

Вместе с ним в столицу, а потом и в Сибирь был отправлен Федот Иванов, тоже комарицкий драгун. Скорее всего, он был сообщником самозваного «крымского хана». Кстати, в Москву подельников сопровождали – тоже под конвоем – их жёны и дети, а в случае с Сизиковым – и сноха Анастасия. Возможно, они рассматривались как соучастники преступления. Но если Иванова приговорили к ссылке вместе со всеми его домочадцами (женой и незамужней дочерью), то из родичей лжемонарха в Сибирь вкупе с ним были отправлены только жена, сын Тимофей и дочери Агафья и Христина. Остальных же освободили, и было «велено им жит в Камарицкой волости в отцовом дворе по-прежнему».

Правда, зажить им, как прежде, было непросто. После ареста Сизикова всё его имущество было конфисковано («запечатано на... великого государя»), что, впрочем, не уберегло его от частичного разграбления. Зная об этом, сын самозванца Василий сразу после освобождения подал в Москве челобитную с просьбой вернуть отцовское имущество и «сыскать» украденное.

Власти пошли ему навстречу – указ от 10 октября 1667 года гласил: «Дат ему государеву грамоту к Степану Бутикову – велет ево написати в драгунскую службу вместо отца ево, и животы отца ево, которые запечатаны, ему отдат с роспискою, и велет ему государеву службу служит с камарицкими драгуны вместе и меншова брата и се[с]тр девок кормит, а про грабёжные животы розыскат, и что сыщется, и то ему ж отдат с роспискою ж».

Мы не знаем, как этот указ выполнялся. Зато известно, что Сизиков из ссылки бежал: «И из Сибири де он, Тараска, ушел, был у вора Стеньки Разина». Не позднее конца 1670 года он вернулся в Комарицкую волость и там, согласно доносу местного жителя И. Глазунова (от 29 января 1671 года), жил «у драгуна у Лаврушки Кельина в деревне Дубках... тайно. Да с ним же пришол от него ж, вора, драгун Андрюшка Белаш, и принесли с собою суму воровских писем».

Дальнейшая же судьба «крымского хана» Сизикова неизвестна.

Источники

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 2. Ч. 2. М., 1959. С. 201 (№ 161); Т. 4. М., 1976. С. 183–184 (№ 168).

РГАДА. Ф. 210. Оп. 14 (Столбцы Севского стола). Д. 222. Л. 6–85, 353–355 об.

Примечания

¹ Продолжение. Начало см.: Родина. № 6. 2006.

² По нормам древнерусской грамматики под титулом писались, чаще всего в сокращении, лишь сакральные слова (Бог, Иисус, ангел, апостол, царь, цесарь, государь, господин, князь и пр.).

³ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М. 1990. С. 78.

⁴ На самом деле В. Шуйский, согласно польским источникам, умер 26 февраля 1612 г. // Либрович С. Ф. Царь в плену. М. 1991. С. 56.

⁵ См.: Дубовик В. В. Самозванцы // Родина. 2005. № 11. С. 31–32.

⁶ Речь о жителях Казикумухского (Тарковского, Буйнакского) шамхальства – государства на северо-востоке Дагестана, где вдоль Каспийского моря проходила дорога, связывавшая Россию, Закавказье и Персию.

⁷ С лета 1637 до лета 1642 г. турецкая крепость Азов была в руках донских казаков.

⁸ См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. 1967. С. 31, 66–67, 71, 118, 126, 144, 148–149; Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 1. М. 1994. С. 80–81; Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М. 2000. С. 106–107; Усенко О. Г. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М. 2004. С. 340.

⁹ См.: Усенко О. Г. Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. № 5–6. 2002. С. 44.